

Джеймс Хэдли
Чейз

ПОДОБНО
ТЕНИ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Джеймс Хедли Чейз
Подобно тени
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42550554

*Дж. Х. Чейз. Подобно тени: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»; Москва; 2019
ISBN 978-5-389-16669-1*

Аннотация

Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, прославился в жанре «крутого» детектива. Он вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Постоянно менял работу и испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом – распространителем книг, основательно изучив книжный бизнес изнутри. Впоследствии он с иронией вспоминал: «...Пришлось постучать не менее чем в сто тысяч дверей, и за каждой из них мог встретить любого из персонажей своих будущих романов... И столько пришлось мокнуть под дождем, что сейчас никто не в силах заставить меня выйти из дома в сырую погоду...» В течение почти полувековой писательской

деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	29
Глава четвертая	44
Глава пятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джеймс Чейз

Подобно тени

James Hadley Chase

In A Vain Shadow

© Hervey Raymond, 1951

© Е. Н. Скляренко, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство Иностранка®

* * *

Глава первая

Требуется телохранитель. Около 30 лет, в отличной физической форме. Кандидаты с опытом службы в спецназе рассматриваются в первую очередь. Хорошие перспективы служебного роста и достойная оплата гарантируются. Заявка, с подробным послужным списком, должна быть написана от руки. Рекомендации от предыдущих нанимателей обязательны. Почтовый ящик 1411.

– Если ты можешь на мгновение оторваться от газеты, налей мне, пожалуйста, еще джина, – протянула Нетта.

– Не могу. Я занят. Будь хорошей девочкой и налей себе джина сама. Не стесняйся, чувствуй себя как дома и не приставай ко мне.

Я размышлял, что имеется в виду под «хорошими перспективами» и «достойной оплатой» и кому мог понадобиться телохранитель. Не часто в лондонских газетах встречаются объявления подобного рода.

Достойная оплата и перспективы. Не отказался бы ни от того, ни от другого, просто для разнообразия.

Забавно, не могу припомнить, когда бы я вообще мог отказаться от денег. Деньги задерживаются у меня не дольше, чем вода в решете.

Месяц назад я выиграл на скачках две сотни фунтов при

ставке сто к одному – весь ипподром ахнул от удивления, когда белоносое недоразумение, на которое мне случилось поставить, пришло к финишу первым. Но это было тридцать дней назад. Сейчас от богадельни меня отделяли только пять фунтов, несколько шиллингов и та самая отличная физическая форма. Две сотни улетели за тридцать дней, это шесть фунтов в день как минимум, – расточительно, надо признать, но тратить их было довольно весело. Чувствуешь себя человеком, не трясясь над каждым грошом.

После демобилизации жизнь швыряла меня не хуже американских горок: вверх – вниз, то в шоколаде, то на мели. Завтра я опять останусь без гроша в кармане. Нет смысла предупреждать Нетту, вот уж кто пронюхает об этом сразу. И я знаю, что она сделает: откроет сумочку и вывалит ее содержимое мне на колени – чековую книжку и все такое.

Черта с два! Мне случалось делать сомнительные вещи, но за счет женщины я еще не жил. И я не собираюсь начинать карьеру альфонса прямо сейчас.

Проблема с Неттой в том, что она хочет содержать меня. Она достаточно глупа, чтобы вообразить, будто с помощью денег можно крепче подцепить меня на крючок. Стоит мне зашелестеть банкнотами, как она лишается сна от ужаса, что я ее брошу. В ее хорошенькой пустой головке не укладывается мысль, что чем меньше у меня денег, тем меньше желания с ней оставаться.

Тонкости – вот чего ей не хватает. Она искренне полага-

ет, что путь к сердцу мужчины лежит через дверь спальни. Она красотка, стильно одевается, владеет роскошной квартирой на Леннокс-стрит, недалеко от Пиккадилли, работает манекенщицей у фотографа Ливинского за тридцать фунтов в неделю. У нее роскошное тело, белокурые волосы, уживчивый нрав, она с ума сходит от всяких зверюшек, но из-за своего навязчивого желания выйти замуж, желательно за меня, совершенно невыносима. Кого угодно достанет выслушивать любовные признания по сто раз на дню, терпеть беспричинные вспышки ревности и истерики в самый неподходящий момент. Она желает давать мне деньги, покупать рубашки, туфли, галстуки и сигареты. Подумать только, я живу у нее уже три месяца – на два месяца и тридцать дней дольше, чем нужно.

Так что объявление показалось мне манной небесной, долгожданным знаком решительных перемен. Я чувствовал: стоит написать письмо – и работа будет моей. Не то чтобы у меня был большой опыт по этой части. Работа обычно сама сваливалась мне в руки, как, например, в тот раз, когда я любовался роскошным «роллс-ройсом» на Бонд-стрит, а его владелица предложила пять фунтов в неделю и все такое просто за то, чтобы я водил его. Вскоре, правда, я обнаружил, что еще прилагается к этой работе, и тут же слинял. Крутить шуры-муры с пятидесятипятилетней бабой, которая выглядит как порождение Эпштейна¹, – нет уж, спасибо,

¹ Жан Эпштейн (1897–1953) – французский кинорежиссер-сюрреалист.

не надо.

Был еще случай, когда инструктор школы вождения попросил подменить его. Катая длинноногую блондинку вокруг парка, я быстро разобрался, как здесь можно приятно провести время. Чудное место, где я мог бы работать и до сих пор, если бы не нарвался на малютку с внешностью Джейн Рассел², которая нажаловалась на меня в контору.

За четыре года после демобилизации я перепробовал чертову уйму занятий: был букмекером, рестлером, продавцом автомобилей, маркером в бильярдном клубе. Две кошмарные недели провел, таскаясь за собаками по Уайт-Сити с совком и метелкой. Но вот телохранителем я еще не был. И если подумать, возможно, проворонил свое призвание. Охранять тела – вот что получается у меня лучше всего, особенно если тела, как у Нетты.

Для телохранителя, на мой взгляд, я подхожу идеально: у меня мощная мускулатура, быстрая реакция, опыт спецназа, мой хук правой сбивает с ног лошадь. И потом, не думаю, что в этой стране у телохранителя много работы. Люди здесь не расхаживают, размахивая ножами и пистолетами. Даже у самых одиозных наших политиков телохранители годами маются от скуки. Так что если зарплата и по моим меркам достойная, то морока по составлению письма может себя оправдать.

² *Джейн Расселл* (1921–2011) – американская актриса, секс-символ 1940-х и начала 1950-х гг.

– О чем ты задумался, Фрэнки, дорогой? Ты молчишь весь вечер.

– Даю возможность выговориться тебе, пытаюсь быть чутким. Разве не этого ты хотела?

– Но, дорогой, это ненормально – молчать все время. Тебя что-то тревожит. Не говори, что это не так, я же вижу знаки.

– Какие еще знаки?

– Ну, ты хмуришься, грызешь ногти. Мне бы не хотелось, чтобы ты грыз ногти. Я не придираюсь, Фрэнки, но это не очень приятная привычка, и это уродует твои руки.

– Значит, из-за того, что я хмурюсь и уродую свои руки, ты решила, что я тревожусь, так?

– Я знаю, что ты тревожишься, дорогой.

– Женский инстинкт, полагаю?

– Не будь таким циничным, Фрэнки. Не понимаю, что с тобой происходит в последние дни. Ты раздражаешься, не даешь мне сказать ни слова. Ты стал другим. А я так люблю тебя, дорогой, ты ведь знаешь.

Ну вот, сегодня это уже девятьсот девяносто девятое признание в любви.

– Значит, ты не понимаешь, что со мной происходит? Ты достаточно проницательна, чтобы заметить, что я тревожусь, но не можешь сообразить, почему я злой и раздражительный? Ты теряешь хватку, детка, – даже идиот бы догадался.

Она поставила бокал с джином на стол и зажгла сигарету, ее длинные тонкие пальцы дрожали.

– Не будем ссориться, Фрэнки. Мы все время ссоримся. Хорошо, прости меня. Прости, что я завела этот разговор. Лучше я сделаю ужин. Хочешь, я приготовлю тебе стейк?

– Я вовсе не ссорюсь, и спасибо за стейк. Не думай, что я не ценю твою заботу. Я считаю тебя милой девушкой, просто неправдоподобно замечательной.

Она посмотрела на меня, как на бродячую собаку, внезапно оскалившую зубы.

– Фрэнки, пожалуйста...

– Хочешь знать, что меня беспокоит? Изволь. С утра собирался рассказать тебе. Я опять на мели. Что скажешь? Все, что у меня осталось, – это пять фунтов и пара шиллингов. Так что я собираюсь получить работу. Вот, на этой странице объявление, помеченное крестом.

Я протянул ей газету:

– Могу прочесть вслух, если текст тебе не по силам.

Она долго рассматривала объявление, рассеянно накручивая на палец прядь волос. Потом отложила газету и уставилась на свои туфли с тем удивленным выражением лица, как если бы ожидала увидеть вместо них пару штиблет.

– Скажи что-нибудь, наконец! Тебе не кажется, что эта работа как раз по мне?

– Не пиши туда, Фрэнки! Это опасно и глупо. Кому бы понадобился телохранитель, если бы это было не опасно?

– Ну, возможно, объявление дала кинозвезда. Представь, вдруг меня наймут охранять кого-нибудь вроде Бетти Грей-

бл³.

– Бетти Грейбл в Голливуде!

– Хорошо, тогда Маргарет Локвуд⁴. Я непривередливый. Или Анну Нигл⁵. Или Валли⁶. Я соглашусь на половину зарплаты, если это будет Валли.

– Ты просто дразнишь меня, хочешь, чтоб я ревновала. Мы оба знаем, там не будет никаких кинозвезд. Но что-то там неладно, это точно.

Время от времени работа крохотных серых клеточек, которые она называет своим мозгом, ошеломляет меня снайперской точностью.

– С чего ты взяла, что там что-то неладно?

– Зачем кому-то личный телохранитель, когда вокруг столько полицейских?

– Знаешь, иногда я начинаю думать, что ты гораздо умней, чем кажешься. Налей мне выпить и сядь. Нам нужно поговорить.

– Фрэнки, дорогой, почему ты такой жестокий? Почему ты все время говоришь такие обидные вещи?

– Просто молча принеси выпивку. И не говори больше, что ты меня любишь. Меня тошнит от этой фразы.

³ Бетти Грейбл (1916–1973) – американская актриса, танцовщица и певица.

⁴ Маргарет Локвуд (1916–1990) – британская актриса, популярная в 1940-е гг.

⁵ Анна Нигл (1904–1986) – британская актриса и певица.

⁶ Алида Валли (1921–2006) – итальянская актриса.

Она принесла джин и дюбонне⁷ и присела рядом.

– Но разве ты не хочешь поужинать, Фрэнки? Уже почти половина восьмого.

– Да хоть бы и половина двенадцатого, мне плевать! Ты уймешься когда-нибудь? Понимаю, что прошу слишком многого, но, если ты соберешь волю в кулак, у тебя получится помолчать пять минут.

Она затихла, глядя на меня исподлобья, словно ребенок, получивший затрещину.

– Ты только что попала в яблочко. Я тоже считаю, что тот, кто поместил объявление, – мошенник. Вот почему я хочу эту работу. Пришло время подзаработать денег, не мелочь вроде сотни-другой – настоящие деньги. Я могу показать тебе парней, слоняющихся по Пиккадилли, которые в одночасье заполучили десятки тысяч фунтов. Парней, достаточно ловких, чтобы провернуть дельце и выжать из него все до капли. Парней, которых не волнуют налоги и у которых в карманах больше наличных, чем я когда-либо видел, не говоря уже о том, чтоб иметь. Вот что я называю настоящими деньгами, и что-то мне подсказывает: это объявление – прямая к ним дорожка.

– Но, Фрэнки...

– Не утруждайся, ты не скажешь ничего, чего я не слышал бы раньше. Никто не скажет. Я стреляный воробей, и на

⁷ Дюбонне – французский аперитив на основе крепленого вина, ароматизированный корой хинного дерева и травами.

мякине меня не проведешь. Половиной всего, что зарабатывал, я расплачивался за идиотские ошибки бездарного правительства, отдавая девять шиллингов с каждого заработанного фунта. Лишь играя на скачках, удавалось сорвать приличный куш, да и то за четыре года я проиграл больше, чем поставил. Остается еще футбольный тотализатор, но не настолько я лох, чтоб так и состариться, пытаюсь выиграть со столь ничтожными шансами. Знаешь, что раздражает меня больше всего? От чего меня выворачивает наизнанку каждый раз, когда я открываю газету? Я скажу тебе. Каждый чертов день недели читать, как какой-нибудь пришлый еврей или итальяшка сколотил состояние. Взять хотя бы того чувака с Парк-Лейн: он мог иметь любую чертову вещь, какую хотел. Даже парни, которые рулят этой страной, лебезили перед ним. Когда он сбежал, он был должен налоговой службе больше двадцати тысяч фунтов; но стоит мне задержать налоговую декларацию на месяц, они засыпают меня письмами с угрозами. Или помнишь типа, который сделал двести тысяч буквально из ничего и попросту испарился? Скажешь, он умен? Что ж, я тоже не промах, дай мне только попасть в игру. И я чувствую, это объявление – мой пропуск туда. Не думай, будто ты единственная, кто способен читать знаки.

– Фрэнки, дорогой, пожалуйста, выслушай меня. Это глупо, ты знаешь сам, что это глупо. Ты ведь не хочешь связываться с полицией? Да, у тебя были трудные времена, но, если ты сделаешь что-нибудь глупое и безрассудное, все станет

гораздо хуже. Преступники всегда проигрывают. Они убегают с деньгами, но в конце концов их обязательно ловят. Фрэнки, пожалуйста...

– Да неужели? А тех двух типов поймали? Или ты думаешь, они умнее меня? Хорошо, предположим, мне придется скрываться. Чем плох Тель-Авив? Что не так с Парижем, или Нью-Йорком, или Москвой? Да где угодно с двумя сотнями тысяч фунтов в кармане можно чувствовать себя королем. И позволь мне сказать тебе кое-что, детка: мне нужны эти деньги и я пойду на все, чтобы получить их. Слышишь? На все! Пусть даже мне придется кого-то убить!

Я не собирался этого говорить. Мысли, дремавшие в моем подсознании долгое-долгое время, вырвались наружу сами собой, обрета звучание, плоть и вес. Обрета реальность.

Глава вторая

То, что я ждал, произошло через три дня.

К девяти, как обычно, Нетта принесла завтрак.

На подносе среди тостов лежали три конверта. Она поставила поднос на столик и начала перебирать рекламные проспекты, притворяясь изо всех сил, что ей неинтересно, кто мне написал.

Два конверта были обычными, со счетами, на третьем красовалась почтовая марка за два с половиной пенни. Мои письма редко украшают марки дороже пенни, так что, похоже, пришел ответ на мое заявление.

Судя по тому, как ерзала рядом Нетта, она думала так же.

Я сделал вид, что мне дела нет до письма. Просмотрел счета: три фунта за бензин, три, четыре и восемь фунтов за джин. Протянул счета за джин Нетте:

– Британские ученые установили: избыток джина отрицательно сказывается на женском организме. Две бутылки за неделю – это не слишком ли, детка?

– Не дурачься, дорогой, ты сам его и выпил!

– Разве? А ты теперь, значит, подсчитываешь, сколько чего я пью? Завела на меня досье?

– О, ради всего святого, что я опять сказала не так?

– Нет времени объяснять, но я непременно уведомяю тебя, если ты вдруг скажешь что-нибудь толковое. Кстати, бу-

дет ли уместным с моей стороны попросить тебя разлить по чашкам кофе, пока он полностью не остыл? И попытайся не пролить его в блюдце, как вчера. Считай это причудой, но я терпеть не могу, когда с чашки капает кофе. Наверно, потому, что мой отец капал мне в детстве на мозги. Азы психологии, детка: если покопаться, можно обнаружить корни наших поступков в младенчестве. Полагаю, я мог бы видеть тебя насквозь, порывшись в твоём прошлом, причем даже не лопатой, а чайной ложкой.

– Ты не вскрыл свое письмо, дорогой.

– Можешь вскрыть, если хочешь.

Она потянулась к конверту, но тут же остановилась. Чему-то она все же научилась за три месяца нашей совместной жизни, раз смогла понять, что есть вещи, за которые бьют по рукам.

– Меня не интересуют твои письма. Знаешь, Фрэнки...

– Знаю. Я злой, раздражительный, говорю обидные вещи, но ты все равно любишь меня.

– Если ты будешь таким ужасным...

– Полистай свои модные журналы, выбери платье. Я не собираюсь платить за него, но это хоть как-то тебя займет.

Пока она возилась с журналами, я допил кофе и вскрыл конверт. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы изучить его содержимое: несколько строк на дешевой бумаге, аккуратно напечатанных, с такой подписью, которую под силу разобрать только банковскому клерку.

– Помнишь, я показывал тебе объявление? Парня, который искал телохранителя?

Как будто не об этом она думала дни напролет.

– Да. Ты написал ему? – Она настороженно взглянула на меня.

– Прекрасно знаешь, что да. После того как ты надулась и ушла спать, я сочинил истинный шедевр и отослал его той же ночью. А вот и ответ. Признаться, письмо несколько разочаровывает: ни бумаги ручной работы, ни тисненых монограмм – не так пахнут большие деньги. С другой стороны, содержание недвусмысленное и по существу. Я должен явиться на собеседование сегодня в двенадцать, сжимая в потных кулачках рекомендации.

– А у тебя есть, дорогой?

– У меня есть – что?

– Рекомендации.

– Нет, если только ты не желаешь что-нибудь написать. Например, что я жестокий и злой. Окажешь мне услугу? Я могу даже водить твоей рукой, если ты стесняешься своего почерка.

– На самом деле ты не собираешься идти туда, да, Фрэнки?

– Разумеется, собираюсь. Не думаешь же ты, что я упущу шанс ухватить за хвост удачу? Кто не рискует, тот не выигрывает, детка. Кроме того, они называют себя «Современными предпринимателями», а кто скажет, что я не современен

и не предприимчив?

– Фрэнки...

– Что еще?

– Ты говорил ужасно безрассудные вещи той ночью...

– Я ужасно безрассуден и нынешним утром.

– Ты говорил злые и глупые вещи. Я просто хочу, чтобы ты признался, что говорил их в шутку.

– Унеси поднос, сделай милость. Если есть что-то, что я ненавижу больше капающего с чашки кофе, то это объедки. Может, потому, что моя тетя была высохшим огрызком. Помню, отец называл ее так, когда я как раз учился ходить. Взрослые должны быть очень осторожны с тем, что говорят в присутствии детей. Ты все еще немножко ребенок, не так ли, Нетта?

На ее засветившееся от радости лицо было больно смотреть.

– Значит, ты дурачился, Фрэнки? Ох, дорогой, я так беспокоилась! От этих разговоров об убийстве у меня кровь стынет в жилах.

– Убери поднос и иди ко мне, я мигом тебя согрею.

Офис «Современных предпринимателей» располагался на четвертом этаже развалюхи на Вардур-стрит. Лифта не было, из вестибюля несло курятником, а лестничные перила, за которые я по неосторожности схватился, оставили на пальцах следы липкой грязи.

Одолев четыре лестничных пролета, я нашел нужные двери в конце полутемного коридора.

К этому времени настроение у меня было ни к черту: не так я представлял себе врата в райскую жизнь. С каждым пролетом мечта о богатстве становилась все более эфемерной. Похоже, объявление было чьей-то дурацкой шуткой, и мне не терпелось познакомиться шутника со своим знаменитым хуком правой.

Не утруждаясь стуком, я нажал на дверную ручку и вошел. Комната подтвердила мои худшие подозрения: она была тесной, грязной и убогой. Возле незанавешенного окна примостился стальной картотечный шкафчик, ветхие половицы стыдливо прикрывал потертый коврик, на подоконнике притулился пыльный электрообогреватель, в центре громоздился покосившийся письменный стол. Больше ничего существенного в комнате не обнаружилось.

Если не считать восседающей за столом уродливой грузной еврейки, лет где-то около двадцати, а может и сорока, облаченной в черное атласное платье, швы которого, казалось, вот-вот лопнут от натуги, сексуальной, как осьминог, и привлекательной, как гора немытой посуды. Близорукие глазки, блеклые, словно недозрелые ягоды крыжовника, уставились на меня из-под толстых стекол очков с нескрываемым недоверием.

Я почувствовал, как во мне вновь зашевелилась надежда. Что-то в ее наружности говорило о стальной хватке и уме

остром как бритва. Рядом с этой тигрицей Нетта выглядела бы сущим котенком. Если ее босс того же типа, с ним можно иметь дело.

Вообще-то, внешний блеск ничего не значит для евреев: из конторы, похожей на запущенный хлев, они могут возвращаться домой на «роллс-ройсе».

Я бросил конверт на стол:

– Мне назначено в двенадцать. Я пришел.

Она поднесла письмо почти вплотную к крючковатому носу, всматриваясь в текст, будто никогда не видела его раньше. Потом оглядела меня снизу доверху и указала грязным пухлым пальцем на стул. На пальце сверкнул бриллиант. Заметив мой взгляд, она неловко прикрыла кольцо ладонью.

– Присаживайтесь. Я выясню, сможет ли мистер Зарек вас принять.

Я несколько опешил. Столкнувшись с особой, словно сошедшей со страниц юморесок Артура Коблера⁸, ожидаешь услышать грубый говор уроженки Бронкса, но, за исключением слегка подвывающих интонаций и излишне правильного произношения, ее речь была так же хороша, как моя.

Я уселся. Она не бросилась докладывать о моем прибытии, а раскрыла массивный гроссбух, который выглядел такой же фальшивкой, какой, несомненно, и был, и принялась

⁸ *Артур Коблер* (1900–1975) – американский сатирик и сценарист еврейского происхождения, произведения которого известны этнически окрашенным юмором.

сосредоточенно заносить туда цифры. Перечитала письмо и вновь устремила на меня пронизывающий взгляд, как будто хотела пересчитать мелочь в моих карманах вместе с волосами на груди.

Затем выбралась из кресла, переваливаясь по-утиному, пересекла комнату и исчезла за дверью, ведущей, надо полагать, в кабинет хозяина.

Мне доводилось видеть разных толстушек, но эта была исключительной: тяжелая и громоздкая, как призовая свинья. Со спины она смахивала на бочонок пива с ножками, причем – забавная вещь – настолько изящными ножками, что даже Нетта позеленела бы от зависти.

Я наострил уши, но из-за двери не доносилось ни звука. Что ж, поразмыслим над ситуацией. Теперь меня было не одурачить жалкой обстановкой – я чувствовал запах денег. Кольцо толстухи я видел хоть и мельком, но достаточно ясно, а я кое-что понимаю в бриллиантах. Камень, который она неуклюже пыталась скрыть, стоит от трех до четырех сотен фунтов, колечко явно не обручальное и найдено не в канаве. Скорее всего, это подарок за услугу или плата за молчание, что-нибудь в этом роде. Дар, достойный мошенника, способного позволить себе такую причуду, как убогие комнаты или личный телохранитель.

У меня есть привычка насвистывать, когда все идет как надо, и сейчас я свистел. Запах денег кружил мне голову.

Она появилась, когда на моих часах было 12:20.

– Мистер Зарек вас примет. Можете войти.

Собираясь на встречу, я потратил порядочно времени, обдумывая гардероб. Нетта предложила синий в елочку шерстяной костюм, но, чтобы она не много о себе воображала, я выбрал джинсы и темно-синюю водолазку, подчеркивающую рельеф моих мышц.

Я вошел в кабинет легкой пружинистой походкой, какой атлеты пытаются впечатлить оказавшихся в поле зрения прелестных дев. Лицо освещала скупая мужественная полуулыбка, брови сурово сдвинуты – ни дать ни взять гибрид Фредди Миллса⁹, добывающего соперника, и Пола Муни в роли Человека со шрамом¹⁰ на сходке с враждебным кланом.

Если бы не отсутствие обогревателя на подоконнике, комната была бы близнецом предыдущей: скособоченный стол, изношенный ковер на полу, густой слой пыли и запах дряхлости и тлена.

За столом сидел смуглолицый коротышка в наряде столь поразительном, что я остолбенел. Никогда прежде мне не доводилось видеть такого фантастического уродства. Даже Макс Миллер¹¹, шокирующий публику в Холборн-Эмпайр

⁹ *Фредди Миллс* (1919–1965) – английский боксер, чемпион мира в полутяжелом весе.

¹⁰ *Пол Муни* (1895–1967) – американский актер, наиболее известный по роли чикагского гангстера из фильма Говарда Хоукса «Лицо со шрамом».

¹¹ *Макс Миллер* (1894–1963) – прославленный английский комик, известный эксцентричными костюмами и рискованными шутками, часто вызывавшими проблемы с цензурой.

во времена моего босоногого детства, на фоне этого буйства красок казался бы чопорным, как официант. Кроваво-красные полоски расчленили желто-коричневую ткань хламиды на зловещие трехдюймовые квадраты, но ярко-зеленые, отливающие изумрудным блеском отвороты карманов разбавляли угрожающий окрас всполохами задорного оптимизма.

«Парень – псих, – охнул я про себя обреченно, – это объясняет все: и объявление в газете, и письмо, и одежду. Только чокнутый способен напаялить на себя это пальто». Я осторожно попятился, пытаюсь рассчитать пути отступления. Если что-то меня реально пугает, так это люди, съехавшие с катушек.

– Входите, мистер Митчелл, – прогнусавил коротышка, подвывая на манер толстухи. – Вам не нравится пальто? Мне тоже. Входите и садитесь. Я расскажу о нем, пока вы будете курить.

Его речь звучала почти разумно, но полностью моих опасений не развеяла. Я примостился на краешке плетеного стула – так, чтобы между мной и пальто оставался хотя бы стол.

– Я снимаю здесь офис три года, – продолжал он, почесывая нос мизинцем, – и восемь моих пальто были украдены. Это слишком, не находите? Тогда я приобрел эту вещь, и никто до сих пор не попытался ее стянуть. Может, она так и останется со мной до конца жизни, раз уж никому не приглянулась? Не то чтобы она мне нравилась, но я легко простужаюсь, а ходить без пальто в этом климате – рискованное

занятие.

Он вытащил из кармана несвежий носовой платок и трубно высморкался.

– Кроме того, это полезно для бизнеса. Людей интригует необычное, они пытаются раскусить меня. Вся Вардур-стрит знает «человека в пальто». Это выгодная сделка, мистер Митчелл.

– Она должна быть очень выгодной, если компенсирует такой наряд.

Тонкие губы скривились в усмешке.

– У нас, иностранцев, изрядное преимущество перед вами: мы не застенчивы.

– Это уж точно.

Нет, коротышка определенно не сумасшедший. Я изучал его так же откровенно, как он меня. Интересно, из каких он евреев? Если существуют турецкие евреи, он мог быть из них. Смуглое лицо словно состояло из одного носа – гигантского попугаичьего клюва. Глаза, казалось, цеплялись за его бока, а тугой тонкогубый рот начинался прямо из ноздрей. Над этим шнобелем нависал лоб, переходящий в блестящую лысину. Редкие пучки жестких волос торчали над острокопечными, как у летучей мыши, ушами.

Он был на редкость уродлив, но стоило поймать на себе его пронзительный взгляд, и об уродстве больше не вспоминалось. Это был взгляд человека, способного строить империи, ворочать миллионами, перерезать горло собственной

матери и затем рыдать над ее могилой. Теперь я был уверен, что жалкие комнатухи – всего лишь фасад, декорации, созданные для защиты от праздношатающих зевак. Эти глаза и бриллиант толстухи – лучшее доказательство, что я попал в правильное место.

Я успел выкурить две сигареты, свои, не его, пока он терзал меня вопросами о каждой детали, упомянутой в моем опусе. Время от времени я картинно поигрывал мускулами – пусть полюбуется на товар, который покупает.

– Мистер Митчелл, вы не упомянули, что сидели в тюрьме.

Хороший заход... Вот этого я не ожидал.

– Кто упоминает о таких вещах? Это вредит бизнесу.

– Вы убили двоих, мужчину и женщину, когда в нетрезвом состоянии вели машину, верно?

– Так оно и было. Тормоза дышали на ладан, это могло случиться с каждым.

– Пьяницы действуют мне на нервы.

– Как и мне. Это произошло четыре года назад. С тех пор я многое переосмыслил.

– Те, кто на меня работает, не пьют, мистер Митчелл.

– Когда я вышел из тюрьмы, то поклялся, что больше не выпью ни капли.

Он впился в меня острыми глазками.

Ну-ну, никому еще не удавалось поймать меня на лжи.

– В таком случае...

Я чувствовал, что уже на три четверти в деле, и, когда он спросил про рекомендации, решил, что пора сыграть роль прямого парня.

– От моих рекомендаций, мистер Зарек, будет не много прока. Вам нужен телохранитель, я никогда им не был. Никто не может сказать, гожусь ли я для этой работы. Вам придется решать самому.

– Меня интересует, насколько вы честны, добросовестны и надежны.

– Стоит ли полагаться на чужие оценки? Нет ничего надежнее собственного суждения.

Он изучал меня больше минуты.

– Может, вы и правы, мистер Митчелл.

Итак, дело в шляпе. Так я и думал. Теперь посмотрим, что он собирается мне предложить. Как там насчет перспектив и достойной оплаты?

– По причинам, которые я объясню позже, мне нужно, чтобы кто-то вроде вас сопровождал меня в деловых поездках. Это может продолжаться довольно долго. Думаю, десять фунтов в неделю, плюс полный пансион, вполне достаточно за такую работу. Торговаться я не намерен.

– Вы упоминали перспективы.

Черные бусинки глаз сверкнули.

– О перспективах будем говорить, когда узнаем друг друга получше. Я сообщу, насколько вы подходите, в конце месяца.

– Жду с нетерпением конца месяца.

Дверь распахнулась, в комнату вплыла толстуха со стопкой писем и шмякнула ее на стол.

– Эмми, это Фрэнк Митчелл. Он будет работать на меня. Мистер Митчелл, это мисс Перл.

Знал бы я, какая роль уготовлена для нее в скором будущем, я был бы куда любезнее. Но я не знал.

Я одарил ее уничижительной усмешкой и откланялся.

Глава третья

– Так ты получил ее?

– Разумеется. Не думаешь ли ты, что я потащился бы к черту на рога, не будучи уверен в успехе? Послушай, детка, не приставай ко мне сейчас, я должен упаковать вещи.

– Упаковать?

– Правильно. Сложить вещи в сумку: упаковать.

– Ты уходишь?

– Совершенно верно, я уйду.

Она побрела за мной в спальню, жалкая, как котенок на отколовшейся льдине.

– Я буду скучать по тебе, Фрэнки.

– Как и я. Такое случается сплошь да рядом. И потом, я буду забегать время от времени. Я не говорю «прощай», детка, я говорю «оревуар», что по-французски значит «скоро увидимся». А теперь успокойся и не путайся у меня под ногами.

Она съезжилась на стуле, обхватив себя руками:

– Я не буду мешать. Хочешь, я помогу упаковать вещи?

– Нет уж, спасибо, знаю, как ты пакуешь. Я уж как-нибудь сам.

– Какой он, Фрэнки? – помолчав, спросила она.

– Крошка-еврей. В голом виде сошел бы за стервятника. Одет как клоун на манеже. Говорит, чтобы пальто не стяну-

ли, пришлось выбрать эту расцветку. Да уж, на такой прикид позарится разве что дальтоник или психопат.

– Но зачем ему телохранитель?

Я вытащил из гардероба пару костюмов и разложил их на кровати. Достал из-под туалетного столика три пары туфель.

– Сообрази мне что-нибудь выпить, и покрепче. Предполагается, что я трезвенник, так что, боюсь, на сегодня это последний шанс промочить горло.

Она принесла двойной виски с чайной ложкой воды, как я люблю. Когда она протянула мне стакан, ее руки дрожали.

– Прекрати. Рано или поздно это должно было случиться. Ты ведь не думала, что я буду жить здесь всю жизнь, не так ли?

– Люди живут вместе всю жизнь.

– Кто я, по-твоему, – Дарби?¹²

– Фрэнки, если это из-за денег... Я скопила кое-что...

Они твои! Все равно без тебя мне ничего не нужно.

– Только не начинай по новой.

– Зачем тебе уходить? Ты можешь охранять его днем, а ночевать здесь.

– Это круглосуточная работа. Кто-то шлет ему письма с угрозами.

– Пусть обратится в полицию.

– Подобные типы держатся от полиции подальше.

¹² Харри Дарби (1895–1987) – американский политик-республиканец, успешный бизнесмен.

– Но он знает, кто ему пишет?

– Разумеется, нет. Он получил уже три письма, и автор, похоже, не семи пядей во лбу. Письма отпечатаны на машинке с западающими буквами «е» и «д», значит ее легко отследить. И бумага характерная: голубые листы с фигурными краями, какие обычно используют женщины. Знаешь, когда он показал мне письма, я сразу подумал о секретарше.

– У него есть секретарша?

– Разумеется, у него есть секретарша. Я, чтоб показать, мол, не лыком шит, намекнул: не худо бы ее проверить, отправитель-то, похоже, женщина. Так его чуть удар не хватил. Говорит: «Доверяю ей, как себе, мы фактически партнеры, она со мной уже десять лет, с тех самых пор, как ей минуло четырнадцать, а тому, кто будет ее очернять, лучше убираться отсюда подобра-поздорову». Ну, хочет смотреть на нее сквозь розовые очки – да ради бога, мне до лампочки.

– Как она выглядит? – будто бы невзначай осведомилась Нетта.

– Как еврейка.

– Еврейки бывают очень привлекательными.

– Она именно из таких. Жгучего, страстного типа, а что за фигура! Ничего подобного мне встречать не приходилось.

– Так же хороша, как моя?

– Не глупи, я сказал «фигура». Это где есть за что подержаться, нечто роскошное, чувственное...

Она вздохнула.

Я уложил костюмы в чемодан и принялся заворачивать в бумагу туфли.

– Чем занимается этот человек, Фрэнки?

– Торговец: перепродает все, что приносит барыш. Скажем, тебе нужна дюжина пар нейлоновых чулок. Он покупает их у кого-то по сходной цене, продает тебе втридорога, а разницу кладет в карман. Выгодное дело. Нужно только знать, где дешево купить и дорого продать. Проще пареной репы.

– А почему ему кто-то угрожает?

– Он считает, конкуренты пытаются убрать его с дороги. В этом бизнесе каждый пытается урвать кусок пожирнее, и соперники как кость в горле. А он, по его словам, человек маленький, беззащитный. Врет, я считаю. Здесь кроется что-то еще. Уж больно странные письма, какие-то ребяческие, что ли. «Если ты веришь в Бога, готовься к встрече с Ним», – это в первом. «Жить тебе осталось недолго», – во втором. Верится с трудом, что эти шакалы станут посылать подобный вздор. Уж их угрозы звучали бы чертовски убедительно. Не пойму, почему Зарека пугает этот детский лепет.

– Его так зовут?

– Да, Генри Зарек. У него загородный дом недалеко от Чешама. Туда я и собираюсь сегодня вечером.

– Ты хочешь сказать, что уедешь так далеко?

– Это вовсе не далеко, всего тридцать две мили отсюда. Не в Шотландию же я отправляюсь.

– И ты должен оставаться с ним?

– Сопровождать его повсюду, жить в его доме, околачиваться вокруг его офиса, водить машину. Десять фунтов в неделю и полный пансион.

– Фрэнки, дорогой, но ведь это все равно что работать прислугой.

– И что плохого в том, чтобы работать прислугой?

– Потому что это тупик. Это неблагоприятно. Разве не лучше вложить деньги в собственное дело, которое станет приносить прибыль? Ты же знаешь, я всегда одолжу тебе денег. И ты можешь жить здесь, совершенно бесплатно, пока не станешь на ноги.

– Однажды кто-то воспользуется твоим предложением и ты потеряешь все свои деньги. Но это буду не я. Очень мило с твоей стороны, но я пока еще не созрел до кольца в носу.

– Ты говоришь чудовищные вещи.

– В самом деле? Что ж, говорю, что думаю. Где мой рюкзак?

– Сейчас принесу, дорогой.

Пока ее не было, я проглотил виски, закрыл чемодан и накинул на плечи пальто.

Я знал, что следующие несколько минут пережить будет непросто. Она обязательно устроит сцену. Удивительно, как она сдерживалась до сих пор.

Когда она вернулась с рюкзаком, я приготовился к худшему.

– Положи его на кровать.

– Фрэнки, посмотри. Тебе нравится?

Она протянула мне фотографию.

– У меня что-то со зрением или ты здесь действительно голая?

– Я сфотографировалась так, чтобы тебе было приятнее на меня смотреть.

В нижней части карточки детскими каракулями было начертано: «Буду ждать тебя вечно. С неизменной любовью, Нетта».

Именно такой сентиментальной чепухи от нее и следовало ожидать.

– Что ж, спасибо. Так будет легче тебя вспоминать.

Я бы сунул фотографию под матрас, но Нетта не сводила с меня глаз. Пришлось снова открывать чемодан.

– Она там не помнется, дорогой?

– Она будет в порядке.

Правду сказать, судьба карточки волновала меня меньше всего.

Я выволок вещи в прихожую.

– Вот и все, детка. Увидимся через несколько дней. Всякий раз, когда Зарек отправляется в Париж, у меня выходной. Так что скоро я опять завалю эту квартиру хламом.

– Я буду скучать по тебе, Фрэнки.

– Как и я.

Пора сматываться, или через минуту мы будем рыдать в

объятиях друг друга.

– Я позвоню.

– Фрэнки... Ты же позволишь проводить тебя до станции?

Еще немножко побыть с тобой?

Нет, ее не собьешь.

– Хорошо, только поторопись.

– Мне кажется, ты не обрадовался.

– Я чертовски обрадовался. Даю тебе минуту на сборы.

Она метнулась в спальню.

Не успела она исчезнуть из вида, как я схватил чемодан и бросился вниз по лестнице.

В офис Зарека я прибыл в шесть.

Эмми Перл стучала на машинке. При всем своем уродстве, печатала, надо признать, она мастерски. Ее маленькие пухлые пальчики летали по клавиатуре с пулеметной скоростью.

Я разместил свои пожитки на полу и направился в комнату босса.

Пулеметные очереди внезапно прекратились.

– Он занят. Садитесь и ждите.

Пришло время показать, чьим приказам я намерен подчиняться. Не обращая на нее внимания, я постучал в дверь и тут же распахнул ее.

В комнате, тусклой от табачного дыма, кроме Зарека, сидели еще двое. Вся компания внимательно рассматривала рассыпанную по столу горсть бриллиантов.

При виде меня незнакомцы вскочили. Один из них оказался недомерком с лисьей мордочкой, другой – гориллоподобным громилой с красной рожей и расплюснутым носом. Громила угрожающе двинулся мне навстречу, занеся кулак для удара. Будь он проворнее, от моего лица осталось бы мокрое место. Я отклонился в сторону, перехватил его запястье, пока он по инерции двигался вперед, нырнул под него, подведя плечо под его подмышку, рванул его руку вниз и бросил его через себя.

Грузная туша на мгновение зависла в воздухе, едва не сбив с ног Зарека, и плашмя рухнула на пол, заставив задрезать оконные стекла.

Я перевел дыхание:

– Скажите своим друзьям, чтоб не размахивали передо мной кулаками, я этого не люблю.

К этому времени бриллианты со стола таинственным образом исчезли.

Зарек протянул мне ключи от машины и попросил подогнать ее к крыльцу. Торопился небось отослать меня подальше, пока его гориллоподобный дружок не пришел в себя.

Судя по всему, машину Зарек стянул со свалки: это был «Остин-16», 1938 года выпуска, который, похоже, держали под открытым небом, использовали как таран, чтобы пробиться сквозь заросли терновника, и не мыли со дня сотворения мира. Сиденья с вылезшими пружинами и двигатель, не желающий заводиться, гармонично дополняли картину.

Признаться, я ожидал чего-то более импозантного.

И все же я был убежден – нищета Зареку не грозит: нищий не раскошелится бы на мои десять фунтов в неделю, да и бриллианты вокруг него появляются подозрительно часто. Осталось выяснить, к чему весь этот маскарад.

По Вардур-стрит я подкатил к офису. Когда Зарек вышел из здания, кутаясь в свое нелепое пальто, шел седьмой час, сумерки начинали стремительно густеть, съедая окружающую реальность, чтобы вскоре бесславно отступить перед электрическим светом.

– Знаете, куда ехать?

– По Уотфордской объездной дороге до Кингс-Лэнгли, затем через Чипперфилд и Бовингдон до Чешама.

– Амершамское шоссе не менее удобно, но будь по-вашему.

В плотном транспортном потоке на Пиккадилли пришлось попотеть: стоило нам притормозить, двигатель намертво глох, вызывая острые пароксизмы ненависти у наших злосчастных попутчиков.

– Вам бы не помешал новый автомобиль.

– Меня вполне устраивает и этот.

К тому времени как мы достигли Мраморной арки, единственным моим желанием было разбить адскую колымагу о стену.

– Вам нужна будет завтра машина? Я бы хотел покопаться в моторе.

– В субботу, о'кей? Машина мне будет нужна. Да с ней все не так и плохо.

Стараясь избегать оживленных улиц, мы добрались до Уотфордской объездной дороги, где старушка, со вдавленным в пол акселератором, смогла разогнаться до тридцати двух миль в час.

– Поездом мы бы добрались быстрее.

– Меня вполне устраивает скорость.

Вести по скоростной трассе жестянку, которую обгоняют даже разбитые грузовые фургоны, я не пожелал бы и врагу.

– Вы когда-нибудь чистили свечи зажигания?

– Что вы заиклились на этом автомобиле? С ним все в порядке, и меня он полностью устраивает.

Несколько миль мы проехали молча, и лишь когда поползли по крутому склону холма к Чипперфилду – Зарек заговорил:

– Вы неплохо справились с Леманом, я доволен. Леман считается опасным противником в кулачных поединках.

– Не сказал бы. У него не поставлен удар.

– То, что он напал на вас, – ваша вина. Вы его напугали. С чего вы решили вломиться в кабинет, если было приказано ждать снаружи? Впрочем, это небольшое происшествие может пойти нам на пользу. Слухи распространяются быстро, и стычка с Леманом упрочит вашу репутацию.

– Раз уж мы заговорили об этом, расставим точки над «и»: я не подчиняюсь женским приказам, и мисс Перл не станет

исключением.

– Я плачу вам достаточно, Митчелл, чтобы вы делали то, что я скажу.

– То, что скажете вы, но не женщина. Если вас это не устраивает, я увольняюсь.

Он молчал, я продолжал крутить баранку. Сила и скорость – вот что его впечатляет, и здесь я в своей стихии, черта с два он теперь захочет меня лишиться.

– Что ж, я поговорю с Эмми. Сомневаюсь, что будет так же просто договориться с моей женой.

Значит, он женат. Вероятно, на такой же расплывшейся клуше, как Эмми.

– Не рассказывайте моей жене о стычке с Леманом. Драки действуют ей на нервы. И не упоминайте о деньгах, которые я вам плачу. Я не говорил ей, что собираюсь нанять телохранителя. Она считает, что я трясусь из-за пустяков, а эти письма – чей-то розыгрыш. Если она спросит, скажите, что ваше жалованье – два фунта в неделю.

Вот оно как. Либо он не хочет, чтобы жена знала о размере его состояния, либо попросту боится ее.

Мы петляли по проселочной дороге, ведущей из Бовингдона в Чешам, когда он заговорил вновь:

– Я не хочу, чтоб вы болтали о моих делах, Митчелл. Если кто-то попытается что-то выведать, помалкивайте. Все, что происходит в офисе, – не для посторонних глаз. Я плачу десять фунтов в неделю не за технику вождения, а за то, чтобы

вы держали язык за зубами.

— Буду нем как рыба.

Свет фар выхватил из темноты окрашенные белой краской ворота.

— Приехали.

Я выскочил из машины, чтобы открыть ворота, и огляделся. Ни единого огонька не светилось в чернильной мгле ночи, только скрипели над головой невидимые ветви деревьев и дорожный гравий отливал ртутью в призрачном свете фар.

— Отгоните машину в гараж и заходите в дом.

Он растворился во мраке.

Я развернул машину, и фары осветили уродливый двухэтажный грегорианский особняк, отделанный белой штукатуркой, и крыльцо со скоморошьей фигуркой Зарека, склонившейся над дверным замком.

К тому времени как я управился с «остинком», в доме зажгли огни; электрический свет сочился сквозь бреши занавешенных окон, извергался из разверстого зева парадного входа.

Торопиться не хотелось: пусть Зарек выясняет отношения с женой без меня.

Мои глаза постепенно привыкали к потемкам: из темной мути проступил силуэт огромного амбара, какие-то пристройки поменьше жались к его бокам, как цыплята к наседке. Гараж располагался почти у самых ворот, позволяя держать в поле зрения сразу и двор с хозяйственными пристрой-

ками, и парадное крыльцо.

Я подхватил чемодан, перебросил через плечо рюкзак и направился к дому. Сразу за дверью находилась квадратная прихожая с небольшим столиком, виндзорским стулом, вешалкой и кокосовой циновкой на полу.

Едва я переступил порог, из внутренних комнат со смущенной ухмылкой появился Зарек:

– Пойдемте, я покажу вашу комнату.

Мы поднялись по лестнице, покрытой такой же кокосовой циновкой, и оказались в узком коридоре с рядом дверей. Я насчитал четыре, прежде чем мы остановились у самой последней, в тупике.

– Шикарной ее, конечно, не назовешь, – пожал плечами Зарек.

Это было мягко сказано. Крохотная конурка, львиную долю которой занимала железная кровать у окна, сосновый сундук у изголовья и плетеная табуретка – этим ее убранство и ограничивалось. Втиснуть туда еще что-нибудь было бы затруднительно.

– Предпочитаете спартанский стиль?

Он бросил на меня подозрительный взгляд:

– Вам не нравится комната?

– Сойдет, пока не подвернется что-нибудь получше.

– Мне бы хотелось, чтоб вам было комфортно тут и вы чувствовали себя счастливым.

– Очень мило с вашей стороны.

Переминаясь с ноги на ногу, он потерял нос:

– Она отказалась предоставить вам другую комнату.

– Другую?

– У нас есть комната для гостей.

– А это помещение для прислуги?

– Хм, комната горничной.

– Не берите в голову, мистер Зарек. Меня это не волнует.

Я не хочу причинять никаких неудобств.

На темном попугаичьем лице отразилось облегчение.

– Она привыкнет к вам. Вы же знаете женщин. Она разочлилась, что я не предупредил ее, но, когда она к вам привыкнет, дело пойдет на лад. Дайте ей время, Митчелл.

Я вспомнил об уютной спальне, в которой спал прошлой ночью, с ее мягким приглушенным светом, электрическим камином, пушистым ковром на полу.

– Надеюсь, времени ей понадобится не слишком много. – Я сардонически усмехнулся, собираясь продолжить шутку, но почувствовал, что она не придется Зареку по душе.

– Я уговорю ее, не волнуйтесь.

Я плюхнулся на кровать, такую же комфортабельную, как те, которыми укомплектована Скрабз¹³.

– Где здесь можно умыться?

– Я покажу.

Он поманил меня в коридор.

– Это дверь миссис Зарек, напротив – моя. Следующая –

¹³ Уормвуд-Скрабз – лондонская тюрьма.

комната для гостей. Самая первая дверь – в ванную комнату.

– Мне бы хотелось освежиться, если не возражаете.

– Ужин через десять минут.

– Мне накроют на кухне?

По тому, как он напрягся, я понял, что камешек попал в цель.

– Вы будете ужинать с нами.

– Вам стоит предупредить миссис Зарек.

– Вы слишком много себе позволяете.

– Всего лишь не хочу быть обузой.

Он окинул меня обеспокоенным взглядом и удалился в направлении лестницы. Подождав для порядка несколько секунд, я распахнул дверь гостевой комнаты и включил свет. Роскошью она не поражала, но была не в пример лучше моей: умывальник, ванная, мебель, с которой можно смириться, если не очень капризничать, – кровать, по крайней мере, выглядела удобной.

Держу пари, завтрашней ночью я буду спать в ней.

Глава четвертая

Когда я спустился в столовую и увидел огромный обеденный стол, ломящийся от яств и сверкающий столовым серебром, я окончательно удостоверился, что без денег не останусь.

Еврей может не заботиться о том, во что одет или где живет, но он не способен пренебречь своим желудком.

Зарек на секунду отвлекся от разделывания курицы размером с небольшую индюшку.

– Вы едите курятину?

– Я ем все, что выглядит съедобным, а эта птица определенно так и выглядит.

– Моя жена великолепная повариха.

– Не сомневаюсь.

Я оторвал взгляд от курицы и оглядел длинную, узкую и скудно обставленную комнату.

Несколько поленьев полыхали в гигантском открытом камине, с двух сторон которого хозяева умудрились приткнуть пару ветхих кресел. Неизбежная кокосовая циновка покрывала пол.

– Присаживайтесь.

– Где?

Он махнул разделочным ножом в сторону места, равно удаленного от обоих концов стола. Сервировавший его явно

стремился показать, что гостю не рады: столовые приборы и салфетки здесь были свалены беспорядочной грудой.

– Сюда? – осведомился я с наигранным сомнением в голосе.

– Жена немного спешила, – буркнул Зарек, проследив мой взгляд, и протянул мне блюдо.

Когда он говорил, что хочет видеть меня счастливым, он, похоже, не шутил: содержимого тарелки с лихвой хватило бы на двоих.

– Выглядит аппетитно.

Он просиял. Беседа о кулинарии явно грела его сердце.

– Одна из пятидесяти. Приобрел только что вылупившихся за бесценок, по три шиллинга за дюжину. Жена вырастила их, согревая бутылками с горячей водой.

– Вы хотите сказать, что эта была не единственной?

– Пятьдесят. Мы выращиваем еще и гусей. Вы любите гусятину?

– Без сомнения.

Он просто упивался собой, и, поддавшись очарованию этого наивного ликования, я почти забыл, что он еврей.

– Нет ничего вкуснее откормленного гуся! Может быть, мы приготовим гуся к субботнему ужину. Определенно приготовим. Мы здесь, знаете ли, неплохо питаемся.

– Сегодня лучший мой ужин за несколько лет.

Надсадно скрипнув, отворилась дверь, и вошла она.

Этот момент до сих пор стоит у меня перед глазами. Вся

моя жизнь, с бесконечной чередой дней, плохих, хороших, волнующих, забавных, счастливых, была перечеркнута в одно мгновение. Прошлое показалось тусклым и докучным, как хронический насморк. Взгляда на нее было достаточно. Это было как удар под дых, как схватиться за оголенный провод.

Еще минуту назад я не помышлял ни о чем, кроме цыпленка на своей тарелке, предвкушая роскошную трапезу; вошла она – и я превратился в ошалевшее от вожделения животное.

Если подумать, в ней не было ничего, от чего можно сойти с ума, кроме, может, глаз и общей неуловимой прелести. Она была миниатюрна, с рыжими волосами того редкого оттенка, какой почти не встречается в природе: словно поток расплавленной меди струился по ее плечам. Тонкие черты, оливковая кожа, в огромных зеленых глазах застыла усталость, пухлые чувственные губы скривились в странной усмешке. Ее болотного цвета свитер и темные слаксы были поношены и заляпаны грязью.

Шестеро из семерых мужчин прошли бы мимо, не повернув головы, но я был седьмым. Что-то она задела во мне, какой-то нерв, и я вспыхнул, как пучок старой соломы. Пафосно, но точнее не скажешь: один взгляд на нее – и я понял, что со мной покончено.

Мне было плевать. Она шла к столу, а я не мог оторвать взгляда от мягкого покачивания ее бедер и колыхания груди.

В горле пересохло, и внезапно изобилие еды на столе показалось мне самой тошнотворной вещью, какую я когда-либо видел.

– Вы играете в шахматы, Митчелл?

Непостижимым образом ужин подошел к концу, и она скрылась на кухне, унеся с собой стопку грязной посуды. За все время она не произнесла ни слова.

Когда Зарек представлял нас друг другу, она смерила меня холодным взглядом и больше ни разу не взглянула в мою сторону.

Зарек, с аппетитом поглощающий цыпленка, не замечал ни ее демонстративной враждебности, ни моего потерянного вида. Он явно не тяготился молчанием, сосредоточившись на впихивании чудовищного количества снеди в тщедушное тельце.

Он даже не заметил, что я едва дотронулся до своей порции. Но единственное, в чем я сейчас нуждался, и нуждался страстно, – это в хорошей дозе виски. Не считая его жены, конечно.

Она появилась ненадолго, чтобы убрать со стола, когда Зарек кончил набивать брюхо, и вновь исчезла. Именно в этот момент Зарек и поинтересовался, играю ли я в шахматы.

– Не очень хорошо.

– А я люблю шахматы. Мы с отцом частенько играли, когда жили в Каире. Я пытался научить Риту, но безуспешно. Женские мозги не годятся для шахмат. Она сметливая и со-

образительная, но совершенную красоту шахматных композиций ей не понять.

Из всей тирады мой мозг вычленил только имя – Рита.

– Ну, невозможно быть совершенным во всем.

– Сыграем партию? Так, чтобы поразмяться. Давненько не брал я в руки шахмат. – Он посмотрел на меня с надеждой.

– Не возражаю.

Он просиял, потирая маленькие смуглые ручки.

– В деревне немного развлечений после заката. И ничего лучше шахмат человечество не изобрело.

Будь она моей женой, я бы нашел чем заняться в деревне после заката. И ее не оставил бы в одиночестве на кухне дольше минуты.

Он поставил карточный столик у камина.

– Не хотела бы миссис Зарек посидеть с нами?

– Не волнуйтесь. Вы же знаете женщин, они вечно возятся на кухне. И потом, она рано ложится: любит почитать в постели. Всякий вздор, какой обычно читают женщины, вроде любовных романов. Она такая романтичная.

Он хихикнул, роясь в буфете.

«Но не с тобой, – подумал я раздраженно, – держу пари, с тобой она не очень-то романтична».

Шахматный набор, который он, раздувшись от самодовольства, выгрузил на столик, выглядел впечатляюще. Изящные шахматные фигуры из слоновой кости словно светились в пляшущих отблесках каминного огня.

– Красивые шахматы.

– Это великолепные шахматы.

Он протянул мне ферзя:

– Четырнадцатый век, работа Пизано. Отец нашел их в Италии и передал мне, чтобы я в свою очередь передал их своему сыну. Он очень категоричен в этом пункте, но что я могу поделать? У меня нет сына.

Он принялся расставлять на доске фигуры, его мохнатые брови сошлись у переносицы, придавая лицу угрюмое и обиженное выражение.

– «Не сейчас, подожди немного; может быть, в следующем году» – вот что она говорит, но какая мне радость от сына, если к тому времени я буду старой развалиной?

На негнущихся ногах я подошел к окну, раздвинул занавески и уставился в темноту, не желая, чтобы он заметил мое багровое от прилившей крови лицо. Реакция на его болтовню удивила меня самого: я едва не задыхался от злобы.

– Давайте приступим. Усаживайтесь поудобнее.

Услышав скрип двери, я обернулся. Она стояла в дверном проеме и пристально смотрела на Зарека. Ее подбородок был угрожающе приподнят, черты лица искажены гневом, она тяжело дышала, словно собираясь выплеснуть ярость, копившуюся долгие годы.

– Закончился уголь! Неужели я сама должна таскать уголь, когда в доме двое мужчин? – Ее голос был низким, хриплым и дрожал от бешенства.

Зарек нахмурился:

– Тебе не следует беспокоить меня, дорогая, когда я играю в шахматы.

– Я принесу, – выпалил я, бросившись ей навстречу.

Зарек уставился на меня, раскрыв рот, но я не обратил на него внимания.

– Если вы покажете, где он хранится, я отнесу его на кухню.

Она развернулась и, ни на кого не глядя, вышла из комнаты. Я поспешил за ней.

– Митчелл!

Я не остановился и не оглянулся. Сказать по правде, в этот момент я не остановился бы и под дулом пистолета.

Мы прошли в стильную неопрятную кухню, больше похожую на сарай. Вымытая посуда грудой лежала на столе, грязное кухонное полотенце валялось на полу возле раковины.

Она вытащила два порожних ведра для угля.

– Уже стемнело, пожалуй, я покажу вам дорогу.

– Я справлюсь. Просто объясните, где вы храните уголь.

Казалось, все происходит во сне: слова срывались с губ, но не значили ничего. Я понимал: еще немного – и я сожму ее в объятиях.

– И все же будет лучше, если я пойду с вами.

Она протиснулась мимо меня к двери черного хода, подняла щеколду, толкнула дверь и решительно шагнула вперед.

После слепящего света комнат темнота снаружи казалась

непроницаемой. Я пробирався почти на ощупь, ориентируясь лишь на звук ее шагов, сердце колотилось, в висках пульсировала кровь.

Где-то впереди раздался скрежет отпираемого засова, потом щелчок выключателя, и ее темный силуэт качнулся на желтом фоне дверного проема.

– Вы найдете дорогу назад?

Жестяные ведра глухо звякнули, когда я поставил их на землю.

– Конечно.

Она повернулась, чтобы уйти, и с решимостью обреченного я схватил ее за запястье. Ни проблеска удивления не отразилось на ее лице; она посмотрела на меня все тем же пустым, отчужденным взглядом, молча высвободила руку и пошла прочь размеренной, неторопливой походкой, какой идут по сотни раз пройденному, набившему оскомину пути в очередной, ничем не примечательный раз.

Я сжал пальцы в кулак, пытаюсь сохранить на них тепло ее плоти, вглядываясь в темноту, вслушиваясь в удаляющийся звук ее шагов, раздавленный безжалостной и безнадежной громадой того, что случилось со мной, ненавидя Зарека, себя и весь мир.

Не знаю, сколько я простоял так на светлом пятачке среди бездонного мрака ночи, упиваясь жалостью к себе, прежде чем поднял лопату, набросал в ведра угля и ощупью вернулся к дому.

Сквозь распахнутую дверь черного хода лился электрический свет, разбавляя белесой желтизной бархатную темноту двора.

Кухня была пуста.

Я поставил ведра у бойлера, ополоснул руки в раковине, двинулся было к выходу и замер, не веря своим глазам: на полке у двери стояла бутылка виски. Несколько мгновений хватило, чтобы выдернуть пробку и прильнуть губами к узкому горлышку. Холодная жидкость обожгла горло и растеклась по пищеводу живительным теплом...

– Шах и мат.

Я отодвинул стул и изобразил улыбку:

– Что ж, я сам напросился. Как бы то ни было, спасибо за игру и простите за такое жалкое шоу.

– Ничего подобного, вы держались прекрасно. Я был весьма удивлен, когда вы начали с гамбита Стейница. «О, – подумал я, – это игрок!» Стейниц требует изощренной техники. Но затем – пуфф, ваши мысли улетели прочь, вы перестали думать над игрой, а в шахматах это недопустимо. На что вы отвлеклись, хей?

Интересно, как бы он отреагировал, если б узнал?

– Я был не в тонусе, вот и все; обычно я играю по правилам, но сегодня от этого бы не было толку.

Я украдкой взглянул на каминные часы: двадцать минут десятого.

– Полагаю, мне следует прогуляться вокруг дома.

– Прогуляться? Для чего вам это понадобилось?

– Я ваш телохранитель, не так ли? Хочу осмотреть местность, прежде чем отправиться на боковую.

– Думаете, и здесь меня подстерегает опасность? – Его черные глазки округлились.

– Понятия не имею. – Я зажег сигарету и бросил спичку в камин. – Не уверен, что вас вообще где-то подстерегает опасность, но, пока вы не убедились в обратном и пока я на вас работаю, не хочу рисковать.

Определенно моя речь пришлась ему по вкусу.

– Тогда осмотритесь, конечно. На кухне есть мощный фонарь. Может, когда вернетесь, мы сыграем еще партию, хей?

– Предпочел бы лечь спать, я не в настроении для шахмат.

– Ладно, раз так, идите спать. Вы читаете в постели?

– Я вообще не большой охотник до чтения.

– Миссис Зарек читает постоянно, всякий мусор, – он хмуро посмотрел в огонь, – любовные романы. Вы любите читать любовные романы?

– Не имею потребности. Когда я хочу женщину, я ее получаю.

Черт, это слетело с языка само собой. Он искоса взглянул на меня и помрачнел.

– Что вы сказали?

– Да ничего.

Безлунная ночь дохнула навстречу осенней сыростью, и порыв ледяного ветра хлестнул по лицу ошметками тумана. Я направил луч фонаря на мощенную кирпичом дорожку и с наслаждением глотнул стылого воздуха: еще несколько минут в доме – и я бы слетел с катушек.

По склизкой дорожке я зашагал к хозяйственным постройкам, пересек газон, смачно чавкающий под ногами, и уперся в стену амбара. Дом отсюда был виден как на ладони. В правом верхнем окне горел свет, но сквозь незадернутые шторы виднелась лишь полоска потолка. Я знал, что она там.

В столовой, сияющей в темноте, как театральная сцена, у камина неподвижно сидел Зарек, подперев лоб рукой и задумчиво глядя на огонь.

Я повернулся к амбару, электрический луч заметался по лоснящейся от влаги бревенчатой поверхности и осветил дверной проем. Внутри, на земляном полу, в беспорядке валялось несколько тюков соломы, поленница свежераспиленных дров высилась у стены, в дальнем конце маячила деревянная лестница, ведущая на сеновал.

Сеновал, грязный и пыльный, пребывал в запустении; дверцу, которая служила, чтобы вбрасывать сено внутрь прямо с телеги, похоже, не открывали годами. Я нажал на нее плечом, ржавые петли надсадно скрипнули, надавил сильнее, заставив ее сдвинуться на четыре дюйма, – теперь в образовавшуюся щель можно было без помех наблюдать за домом.

Ее комната оказалась на одном уровне со мной и просматривалась отсюда насквозь. Двуспальная кровать стояла у стены, напротив старинного платяного шкафа, какие обычно делают с зеркалами в полный рост и выдвижными отсеками.

Она сидела за туалетным столиком у окна, в зеленом шелковом пеньюаре, с сигаретой во рту, и расчесывала волосы.

Я опустился на колени на обшарпанный пол сеновала, не смея отвести от нее глаз. Казалось, я мог разглядеть малейшую деталь ее облика, то, как ритмично вздымалась и опускалась ее грудь при дыхании, дымок от сигареты, поднимающийся к потолку, блики света на медных волосах, белую кожу в вырезе пеньюара – игра света и тени завораживала меня, как кролика завораживает немигающий взгляд удава.

Пять минут прошло, или пять секунд, или вечность? Не знаю. Стоя здесь – на коленях, в темноте, – я перестал ощущать время. Я мог бы стоять так всю ночь и весь следующий день – и до скончания веков.

Вдруг она бросила расческу на стол и развернулась спиной к окну. В дверях спальни стоял Зарек.

Я поспешно перевел взгляд на комнату внизу: там все еще горел свет. Возможно, он зашел лишь пожелать спокойной ночи.

Зарек хмурился и что-то раздраженно говорил, размахивая руками. Она сидела неподвижно, зажав ладони между колен, и молчала. Я почти не сомневался, что он говорит обо мне.

Неожиданно его гнев прекратился, он приблизился к ней, заискивающе улыбаясь, и положил тощие ручонки ей на плечи.

Меня бросило в пот. Едва не сорвав дверцу с петель, я до предела высунулся наружу, вцепившись в дверную раму, стараясь ничего не пропустить.

Она сбросила его руки с плеч и встала. Он продолжал бормотать что-то с видом побитой собаки, но она казалась непреклонной. Она молча смотрела на него своими невероятными глазами, скрестив на груди руки.

Внезапно он обмяк, его лицо скривилось в гримасе отчаяния, он покачал головой и выскочил из комнаты, не затворив двери.

Несколько секунд она смотрела в пустой проем, потом погасила сигарету, закрыла дверь на замок, подошла к окну и взглянула в мою сторону.

Я отступил в тень. Смутное подозрение охватило меня: не может ли она знать, что я отсюда, с чердака, наблюдаю за ней? Когда она задернула штору резким, решительным движением, подозрение превратилось в уверенность.

Глава пятая

Следующие три дня катились по накатанной колее: в восемь утра я отвозил Зарека на Вардур-стрит, в шесть вечера привозил назад в «Четыре ветра». Днем я околачивался в приемной или возил его в Ист-Энд по делам, в которые он не считал нужным меня посвящать. Вечерами я играл с ним в шахматы, потом обходил ферму, запирали замки и ложился спать.

Я все еще ночевал в комнате для прислуги. Пока она хочет избавиться от меня, лучше сидеть тихо и не трепыхаться. Начни я требовать другую комнату, ей не составит труда расписать Зареку, как ее оскорбляет мое недовольство, а уж после вышвырнуть меня из дома будет парой пустяков. Я знал: стоит мне хоть раз по-настоящему проштрафиться – и она ринется в атаку.

После той первой ночи, когда я дотронулся до нее, наши отношения превратились в своего рода «кошки-мышки»: она пыталась спровоцировать меня на бунт, я держался на почтительном расстоянии.

Я безропотно выполнял ее поручения: таскал уголь, колол дрова, кормил цыплят, разжигал камин, мыл окна.

Прикажи она вычистить выгребную яму, я бы не отказался. Я бы сделал что угодно, лишь бы остаться в доме. Рано или поздно она будет моей – я был уверен в этом. Невозмож-

но не получить то, чего так страстно желаешь, надо просто не сплеховать в нужный момент.

Зарека мое поведение повергало в растерянность. Когда в семь утра он обнаружил меня моющим окна, в его глазах мелькнуло нечто похожее на ужас.

– Это Рита заставила вас?

– Она сказала – окна грязноваты, и с этим не поспоришь. Проснулся я рано, заняться было нечем, так что я подумал, почему бы не помыть их.

Зарек озадаченно почесал лысину:

– Вы не обязаны этого делать, я нанимал телохранителя, а не слугу.

Это не обмануло меня ни на секунду. Стоит ей намекнуть, что я был груб, и я вылечу отсюда в момент. Если мужчина хочет сына, не трудно догадаться, чью сторону он примет в перепалке. И без сомнения, Зарек хотел сына так же сильно, как я хотел его жену. Единственная разница между нами, что он не стесал об этом, лишь когда говорил о делах или играл в шахматы, а мне приходилось держать рот на замке. В остальном мы мало чем отличались: наши желания концентрировались на ней, а ей, похоже, было равно плевать на нас обоих.

Каждый вечер, обходя ферму, я поднимался на сеновал, будто бы для того, чтобы убедиться, нет ли в окрестности чужаков, и смотрел на ее окно. Ни разу с того первого вечера шторы не оказались раздвинуты, но всякий раз, когда я

замечал ее движущийся силуэт, в висках начинала стучать кровь и язык прилипал к нёбу. Я знал, что буду приходить сюда, даже если все, что мне позволят увидеть, – лишь тень.

За три дня я узнал Зарека лучше. Он оказался вовсе не таким засранцем, каким выглядел, и был чертовски умен. В голове у него постоянно крутились три вещи: сын, деньги и шахматы, именно в этом порядке.

Я так в точности и не выяснил, что у него за бизнес, потому что в наших поездках он не выпускал меня из машины, но кое-какие догадки у меня имелись. Он курсировал между магазинчиками Ист-Энда, всякий раз выходя то с пакетом, а то и с парой чемоданов, которые небрежно бросал на заднее сиденье, – вещи наверняка либо краденые, либо с черного рынка. Мне до смерти хотелось узнать, сколько он на них зарабатывал, но, как и с Ритой, тут не стоило торопиться. Рано или поздно он начнет доверять мне, и тогда все будет зависеть лишь от моей ловкости. А пока я запоминал адреса, имена и лица, вертелся поблизости, встречая в его беседы с друзьями при каждом удобном случае, изо всех сил стараясь казаться своим в доску.

Оставалась Эмми. При нашей первой встрече я пошел не с той карты. Как выяснилось, Эмми с ума сходит по Зареку и готова для него на все. Зарек следовал ее советам безоговорочно. Письма с угрозами напугали ее не меньше, чем его, и нанять телохранителя предложила именно она.

Только слепой идиот мог не понять этого сразу. Будь я с

ней тогда поласковее, она бы ела у меня с рук; но в моих глазах она была всего лишь ничтожной рябой еврейкой, и я кривил рожу, изображая при виде нее едва ли не рвотные позывы.

И вот я получил то, что заслужил: лютую ненависть, ждущую своего часа, чтобы поквитаться, – а это опаснейший род ненависти.

Но я был самодовольным болваном, и мне было плевать. Меня волновали только деньги Зарека и Рита. Эмми казалась мне ходячим анекдотом.

Если с Эмми я прокололся, то с Зареком все было на мази. Мало-помалу я научился держать чувства к Рите под контролем, не лез в ее присутствии на стенку и даже был способен сосредоточиться на шахматах.

Шахматам меня научил один русский, который когда-то несколько раз сразился с Алехиным и даже выиграл у него партию. Я сидел с ним в лагере для военнопленных в Германии, и мы играли в шахматы восемнадцать месяцев по пять часов в день.

Зарек был тоже не промах, и наши шахматные поединки походили на настоящие турниры.

Если Рита уходила спать, я выигрывал, но в ее присутствии мои мысли разбредались, и победа доставалась Зареку. Что, впрочем, не мешало ему считать меня одним из самых оригинальных игроков, с какими его сводила судьба, и наши вечерние баталии укрепляли его симпатию ко мне, как

ничто другое.

Кое-что еще привело его в отличное расположение духа. Каждое утро четверга весь прошедший месяц он получал эти письма с угрозами, но в этот четверг письма не было. Он лучился от счастья, выглядя обновленным, как собственная улучшенная версия, и только тогда я понял, насколько анонимки пугали его.

– Вы испугнули их, Митчелл! Они заметили вас и испугались!

Меня это начинало напрягать. Если угроза анонимок рассеется, он вполне может сообразить, что, каким бы замечательным шахматистом я ни был, раскошеливаться на десять фунтов в неделю только за это – чрезмерная роскошь.

Но на четвертый день, в пятницу, мне вдруг улыбнулась удача.

Утром мы поехали в Шордич, где загрузились очередными пакетами, и двигались в Вест-Энд, когда он внезапно сказал:

– Завтра я уезжаю в Париж, думаю, на недельку-другую. Сопровождать меня туда нет необходимости.

Мое сердце остановилось: запахло увольнением. Вряд ли он собирается предоставить мне оплачиваемый отпуск.

– И что насчет меня?

– Я был бы рад, если бы во время моего отсутствия вы согласились присматривать за домом.

При мысли, что он собирается оставить меня в «Четырех

ветрах» наедине с Ритой, кровь бросилась мне в голову.

– Разве миссис Зарек не способна позаботиться о доме сама?

– Она поедет со мной.

Черт, я должен был сообразить, что не настолько он непроходимо туп.

– Значит, я должен буду следить за домом, кормить цыплят и отпугивать воров?

– Вы меня очень обяжете. Уже два года моя жена никуда не выезжала, все из-за этих птиц, понимаете? Я обещал, что в следующую поездку в Париж возьму ее с собой. Вам нужно только покормить их, и вы свободны на целый день. Ну и конечно, вы будете держать дом в чистоте, о'кей? Пользуйтесь машиной по своему усмотрению, но обязательно возвращайтесь до темноты. Чтобы лисы не перетаскали цыплят, понимаете?

– Все будет в порядке, не волнуйтесь. А что насчет вашего бизнеса? Может, я могу быть чем-то полезен?

Он бросил на меня хитрый уклончивый взгляд и энергично замотал головой:

– Нет-нет, цыплят будет достаточно. Бизнес – это личное. Эмми с этим справится.

– Как скажете. Я просто хотел помочь.

На сегодня работы для меня больше не было. Остаток дня я изнывал от скуки в приемной, зачитав «Ивнинг стандарт» до дыр, пока Зарек и Эмми шептались в кабинете.

Пару раз, прижав ухо к дверной панели, я попытался разобраться, что за тайны мадридского двора они обсуждают, но результат не стоил усилий – из-за сработанной на совесть двери не доносилось ни звука. Мысль, что Зарек выкладывает подноготную своих делишек не мне, а этому маленькому толстому чудовищу, бесила неимоверно, хотя, с другой стороны, нелепо было бы ожидать, что он проникнется ко мне безграничным доверием всего за четыре дня.

Если подумать, вместо того чтобы тешиться мечтами об эфемерном сыне, которого ему все равно не видать как своих ушей, ему следует усыновить меня. Возраст у меня подходящий: мне двадцать семь, ему где-то около шестидесяти. И кто, как не я, заслуживает этот дивный шахматный набор? Пусть только даст мне возможность поучаствовать в своих авантюрах – я покажу, на что способен.

Однако такие дела не делаются в спешке. Я уже нравлюсь ему, конечно, но от «нравиться» до «стать наследником» дистанция огромная. Сейчас следует стать его тенью и терпеливо ждать, пока он созреет. Проблема в том, что стать его тенью пока не очень-то получается.

Они вышли из кабинета в половине седьмого, он – в своем кошмарном пальто и с сигарой в зубах, она – с сытым видом сожравшей канарейку кошки и с таким самодовольным взглядом, что я едва удержался, чтобы не запихать газету в ее ухмыляющийся ротик.

– Что ж, время расходиться по домам.

Я поднялся:

— Если я могу чем-то помочь мисс Перл, пока вас не будет, ей достаточно дать мне знать. — Я постарался изобразить крайнюю степень простодушия.

Они переглянулись. Эмми покачала головой.

Вот когда я понял, какого сваял дурака при первой встрече. Подольстись я к ней тогда, она сейчас не воротила бы от меня заплывшую жиром мордочку, и я был бы в деле. А не остался бы сторожить курятник.

— Все в порядке, Эмми справится.

Из офиса мы направились к автостоянке.

«Остин» приветливо поблескивал вымытыми стеклами. Облупившаяся краска и вмятины на капоте, конечно, никуда не делись, но в остальном я славно над ним поработал.

Четыре дня назад машина слова доброго не стоила. Двигатель дышал на ладан: масло поднималось по валику трамблера и забрызгивало его головку, во-первых, и один из клапанов залип, во-вторых. Свечей никто не касался со дня покупки, а компрессия двигателя была как у молочного пудинга.

Я починил клапан, поправил маслоотражатель на валике, купил новый набор свечей и зачистил угольные контакты трамблера. Теперь я мог разогнать машину до семидесяти миль в час легким движением руки, но Зареку об этом говорить не торопился. Хватало и устойчивых пятидесяти, чтобы он смотрел на меня как на чудотворца.

Когда мы вывернули на Уотфордскую объездную дорогу, я пробурчал:

– Женщины могут сладить с простыми вещами, но когда доходит до тяжелой работы – наступает время мужчин.

– О чем это вы?

– Да так, мысли вслух. Но раз уж вы спросили... У вас есть бизнес, который требует присмотра; вы уезжаете и оставляете его практически на произвол судьбы. Я полагал, что бизнесмен с вашим опытом предпочтет оставить дела, скорее, на умного и решительного мужчину, чем на женщину, какой бы сообразительной она ни была. Может, это и старомодно, но, я считаю, место женщины – на кухне.

Моя тирада была прервана сдавленным кудахтаньем: Зарек корчился от смеха, зажав рот руками.

– Не любите Эмми, хей? Я заметил. Вот что я скажу: вы ее недооцениваете. Я знаю Эмми десять лет, и с каждым годом она становится все умнее. Ни один мужчина и в подметки ей не годится. Я далеко не глуп, но она в десять раз умнее меня. Вы судите по внешности, а я оцениваю мозги. Ее мозгов хватило бы на троих таких, как я, и на десятерых таких, как вы. Без обид, Митчелл.

И этого мерзавца я собирался назвать отцом!

– Дело ваше, мистер Зарек.

– Вот именно.

В аэропорт супруги решили выехать ранним утром, чтобы успеть на десятичасовой рейс. Он, в неизменном пальто,

судорожно прижимал к себе дипломат, она, в твидовом костюме и с мантии, переброшенным через руку, смотрела, как всегда, холодно и отстраненно.

До этого она ни разу не показывалась в юбке, и в первый момент я не узнал ее. У нее оказались длинные стройные ноги Марлен Дитрих – за попытку маскировать такое сокровище штанами следует сажать в тюрьму.

Мы прошли к птичьим клеткам, и она монотонным голосом огласила инструкцию по кормлению, не снисходя даже до взгляда в мою сторону. Мне хотелось схватить ее за плечи и трясти до тех пор, пока хоть проблеск жизни не мелькнет на этом прекрасном каменном лице.

За всю дорогу до аэропорта супруги не сказали друг другу ни слова. Они сидели на заднем сиденье, и время от времени я ловил на себе ее взгляд: ее глаза были пусты, губы сжаты в жесткую линию.

Зарек разглагольствовал о вчерашней шахматной партии. Весь вечер Рита провела наверху, пакуя вещи, и я был в ударе, расставляя Зареку ловушку за ловушкой. Что мне в нем нравится, так это то, что, даже бесславно пропустив, он способен искренне восхищаться моим эндшпилем, сравнивая его с игрой своего обожаемого отца.

Рассеянно слушая его болтовню, я лениво размышлял, каково будет Рите показаться на людях в сопровождении чучела в клоунском наряде. Обычно появление Зарека на публике производило нечто вроде фурора, уж не знаю, за кого его

принимали зеваки – за звезду ближайшего мюзик-холла или за городского сумасшедшего. Почетный эскорт в моем лице, как правило, плелся сзади, пыхтя от раздражения.

Что-то мне подсказывало: нескольких любопытствующих взглядов будет недостаточно, чтобы вывести ее из себя.

Я загнал машину на стоянку аэропорта, и наша компания начала выгружаться из машины. Пока я возился с баулами, а Зарек отправился в зал прилетов, она стояла рядом со мной, дымя сигаретой.

– Вы не опоздаете?

Она скользнула по мне безразличным взглядом:

– Это мои проблемы.

– Безусловно. Я просто пытаюсь начать разговор.

– Надеюсь, в наше отсутствие вы не приметесь водить в дом женщин.

Кровь бросилась мне в лицо: эта чертовка еще и мысли читает.

– И не собирался! С чего вы взяли?

Изумрудные глазищи напряженно изучали мое лицо.

– Встречала подобных типов раньше. И к слову сказать, пока нас нет, поищите-ка другую работу. И надеюсь не увидите вас по возвращении.

Я не нашелся что ответить и лишь беспомощно тарасился в ее холодные глаза.

Наконец вернулся Зарек в сопровождении высокой блондинки в форме стюардессы.

– Все устроено, мисс Робинсон все организовала. Мисс Робинсон, познакомьтесь с моей женой. – Он потирал ручки, сияя широкой улыбкой проказливого клоуна. – Рита, мисс Робинсон опекает меня уже два года, она очень компетентная, очень добрая девушка.

Рита процедила слова приветствия и натянуто улыбнулась.

– Вы можете занять свои места. – Мисс Робинсон явно занервничала. – Осталось пять минут до отправления. Я положила газеты и журналы на ваши сиденья. И попросила мисс Джойс приглядеть за вами во время путешествия.

– Я же говорил, все на высшем уровне. Золотая девушка! Вы справитесь с сумками, Митчелл?

– Легко.

Я уже полностью пришел в себя. Она застала меня врасплох, вот почему я растерялся, но больше этот номер у нее не пройдет.

Наша процессия, с Зареком во главе, двинулась вперед, являя собой, без сомнения, впечатляющее зрелище, – в лучах слабого осеннего солнца пальто полыхало жизнерадостным пламенем.

Рита сразу поднялась в салон самолета, но Зарек суетился вокруг багажа, пока его не погрузили на борт, потом пожал руку мисс Робинсон, и я заметил, как пятифунтовая бумажка переключалась из ладони в ладонь.

– Не скучайте, Митчелл. Я сообщу о своем возвращении.

Не забывайте о лисах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.